

Елена БАБЯК

ФРАЗЕОЛОГИЗМ И ПАРЕМИЯ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИ-РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (34) 2015

УДК 811.161.1'3737:159.946,3

Бабяк О.І. Фразеологізм і паремія як типологічно-мовленнєва характеристика сучасної мовної особистості; 11 стор., кількість бібліографічних джерел – 11; мова – російська.

Анотація. У статті розглядаються терміни «фразеологізм», «паремія» та «мовна особистість»; проаналізовано проблему «мовної особистості»; з'ясовано її структуру та основні одиниці презентації. Проведено аналіз впливу фразеологічних одиниць та паремій на мовну особистість у сучасній російській прозі.

Ключові слова: паремія, фразеологізм, мовна особистість.

В последние десятилетия предметом исследования как отечественных, так и зарубежных лингвистов стал феномен «языковой личности». Интерес к широкому кругу проблем, связанных с этим понятием, во многом обусловлен произошедшей в конце XX века сменой системно-структурной парадигмы языка на антропоцентрическую. Речевая характеристика является одним из важнейших параметров для определения типологии современной личности. На данном этапе развития науки этот вопрос полностью не исследован, в чём и заключается **актуальность** работы. Результаты исследования можно использовать в дальнейшем развитии фразеологии, паремиологии и лингвокультурологии.

Цель данной статьи – зафиксировать влияние речевой характеристики (фразеологизмы и паремия) на становление современной языковой личности.

Для достижения поставленных целей необходимо решить такие задачи: 1) дать точное трактование понятий, на которые мы будем опираться в своём исследовании: «фразеологизм», «паремия», «языковая личность»; 2) рассмотреть фразеологизмы и паремии в современных художественных текстах как типологически-речевую характеристику разных типов языковой личности.

Далее определимся с базовыми понятиями и терминами, используемыми в работе.

Фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов, свойственные только данному языку, значение которых не определяется значением входящих в них слов, взятых по отдельности [2, 12]. В своей известной работе «Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины» В.В. Виноградов наметил некоторые проблемы исследования фразеологических единиц (далее также – ФЕ) в семантическом аспекте [3].

В. В. Виноградов выделял три типа фразеологических единиц:

I. **Фразеологические сращения, или идиомы** – немотивированные единицы, выступающие

как эквиваленты слов, например, *навострить лыжи, спустя рукава, через пень колоду, вот так клюква, как бы не так* и др.

II. **Фразеологические единства** – мотивированные единицы с единым целостным значением, возникающим из слияния значений лексических компонентов: *положить зубы на полку*.

III. **Фразеологические сочетания** – обороты, в которых у одного из компонентов наблюдается фразеологически связанное значение, проявляющееся лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений, например: *страх берет, тоска берет, зависть берет, смех берет. Но нельзя сказать: радость берет, удовольствие берет* и т. п. [2, 22]. На данную классификацию мы будем опираться в дальнейшем при описании речевой характеристики современной языковой личности.

Паремии – особые единицы и знаки языка, необходимые элементы общения людей. Эти знаки передают специфическую информацию, обозначают типичные жизненные и мысленные ситуации или отношения между теми или другими объектами [8, 157].

В центр современной антропоцентрической лингвистики ставится понятие языковой личности. Этот термин объективно является сложным, так как в его значении соединяются философские, социологические, психологические и лингвистические подходы.

Впервые в науку понятие «языковая личность» было введено В.В. Виноградовым [1]. Ученый подошел к понятию языковой личности путем исследования языка художественной литературы. Логика развития понятий «образ автора» и «художественный образ», центральных в научном творчестве В. В. Виноградова, подвели исследователя к вопросу о соотношении в произведении языковой личности, художественного образа и образа автора [1, 120].

В дальнейшем понятие языковой личности пытались трактовать по-разному. Прежде всего, под языковой личностью в современных исследованиях понимается человек как носитель языка, который способен к речевой деятельности, т. е. имеются в виду проявления свойств, позволяющих ему осуществлять и воспринимать речевые произведения [4, с. 62]. Под языковой личностью понимается также совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная [там же]. И наконец, под языковой личностью может пониматься закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определённого языка, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отражённых в словаре – личность словарная, этносемантическая [4, 64].

Однако в широкий научный оборот понятие «языковая личность» ввёл Ю.Н. Караулов, который точно и детально описал данное явление в науке.

По мнению Ю.Н. Караулова, благодатным материалом для исследования языковой личности является художественный текст как продукт литературной коммуникации, каждый из субъектов которой (автор, персонаж, читатель) может рассматриваться как модель реальной языковой личности. Учёный первым доказал возможность и продуктивность исследования в качестве модели языковой личности персонажа художественного текста [5, 43].

Таким образом, в нашем исследовании за основу мы приняли такое понятия языковой личности: это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются:

- а) степенью структурно-языковой сложности;
 - б) глубиной и точностью отражения действительности;
 - в) определённой целевой направленностью
- [5, 44].

Ю. Н. Караулов разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст. Языковая личность, по его мнению, имеет три структурных уровня:

1) вербально-семантический уровень, отражающий степень владения языком (включает фонетические, грамматические, лексические, синтаксические средства, наиболее важными из которых являются лексические). Этот уровень языка является нулевым для личности и довольно бессодержательным, поскольку обычно не позволяет проявить индивидуальность (иногда можно констатировать нестандартность вербальных ассоциаций, но это еще не дает полного представления о более сложных уровнях языковой лично-

сти). Однако этот уровень является необходимой предпосылкой для её становления и функционирования;

2) лингвокогнитивный уровень (или тезаурусный), отражающий картину мира языковой индивидуальности (сюда входят понятия, идеи, концепты, системы ценностей, актуальные для носителя языка, характеризующегося как языковая личность). Тут важно отметить, что единой картины мира, даже в рамках одного языка, быть не может. Однако личное мировоззрение формируется не бессознательно, а на основе национально-культурных традиций, ценностей, идеологий, которые делают возможным создание общезначимой доминанты [5, 48].

Таким образом, первый уровень изучения языковой личности, опирающийся на совокупность порождённых ею текстов необыденного содержания, предполагает вычленение и анализ переменной, вариативной части в её картине мира, которая является уникальной для данной личности. Этого можно достичь лишь при условии, что базовая, инвариантная часть картины мира, единая и общая для целой эпохи, исследователю известна, хотя, конечно, такое деление на стабильную и переменчивую части мировоззрения является весьма условным.

3) Прагматический уровень (или мотивационный), включающий цели, мотивы, интересы, установки [5, 49].

Уровневая модель определения языковой личности отображает обобщённый тип личности. Каждая языковая личность обладает набором постоянных характеристик, которые, выступая в качестве доминант языкового сознания, коммуникативного поведения, определяют тип языковой личности. Существуют и индивидуальные характеристики, которые включают в себя не все уровни языковой модели личности.

Типологизация личностей может проводиться по разным основаниям. Например, **по профессиональной принадлежности или виду деятельности**: шахтер, фермер, экономист, юрист; **по территориальной принадлежности или образу жизни**: горожанин, житель села, северянин; **по половозрастным признакам**: юноши, девушки, пенсионеры; **по степени социальной активности**: ведущий (лидер, активист), ведомый (исполнитель) и т. д. [7, 33].

Наше исследование опирается на речевую характеристику современной языковой личности. Следовательно, в современных художественных произведениях мы изучим проявления тех или иных типов личности, которые будем наблюдать в непосредственном общении с другими персонажами, в процессе деятельности.

Речевая характеристика находит своё отображение в языке (в значениях слов): в современной художественной прозе мы обращаем внимание на устойчивые фразы и выражения (а это фразео-

логизмы и поговорки), которые помогают нам определить тип языковой личности.

Современная русская художественная проза представлена именами В. Пелевина, В. Сорокина, Л. Улицкой, Д. Рубиной, Ю. Мамлеева, Р. Сенчина, Т. Толстой, П. Крусанова, Д. Быкова и мн. др.

Итак, попробуем рассмотреть фразеологизмы и поговорки в современных художественных текстах как типологически-речевую характеристику разных типов языковой личности.

Новые типы личности представлены в произведениях Виктора Пелевина, творчество которого демонстрирует не только тенденции развития современной русской языковой личности, но и своеобразные культурные ценности.

Подробнее остановимся на мистической книге В. Пелевина «*Empire V*», повествующей о жизни вампиров. В центре романа – молодой человек по имени Роман Александрович Шторкин – представитель молодёжи нового поколения; яркий образчик современного общества: юноша бездельный; апатичный ко всему, что происходит вокруг; безграмотный и безработный. Вот как сам герой говорит о себе: «*полная каша у меня в голове*» (фразеологическое единство) [10, 72]; «*не схватываю на лету*» (фразеологическое единство) [10, 90]; «*сложу сложа руки*» (фразеологическое единство) [10, 357].

В начале произведения герой предстает перед нами заурядным, бездельным персонажем, от которого мы не ожидаем ничего существенного. Но автор нас удивляет – и на протяжении романа герой эволюционирует, прогрессирует и становится совершенно другим человеком. И действительно, главный герой «становится личностью»: он повышает грамотность, ставит различные цели перед собой; у него наблюдается «революция духа»: «*готов дать голову на отсечение, что стану другим*» (фразеологическое сочетание) [10, 281]; «*всё стало у меня на свои места*» (фразеологическое единство) [10, 97].

Главный персонаж преображается, начинает задумываться над философскими вопросами, над смыслом жизни. Он не теряет своей человечности, но уже и не является тем, кем был в молодости. Под влиянием нового времени он осознал, что и сам вынужден меняться, чтобы выжить и приспособиться к современному обществу. Заканчивается произведение В. Пелевина философской фразой главного героя, которая нам демонстрирует глубину души, полное становление и взросление языковой личности: «*истина в нас самих*» (поговорка, лозунг) [10, 365]. Таким образом, мы наблюдаем эволюцию современной личности: от безработного простого юноши до философа, лидера, который способен изменить себя и мир вокруг.

Произведения В. Пелевина часто содержат не только предисловия, но и предтекст: небольшое высказывание, которое находится в начале произведения, главы, части. Именно оно (это высказы-

вание), на наш взгляд, устанавливает связь между автором и читателем. Это своего рода ключ, помогающий читателю не только глубже проникнуть в содержание произведения, но и лучше понять персонажей.

Роман В. Пелевина «*Чапаев и Пустота*», например, открывается квазиэпиграфом, сочиненным самим В. Пелевиным, но приписанным Чингиз-хану: «*Глядя на лошадиные морды и лица людей, на безбрежный живой поток, поднятый моей волей и мчащийся в никуда по багровой закатной степи, я часто думаю: где Я в этом потоке? Чингиз-хан* (поговорка)» [9, 4].

Данное высказывание является предтекстом, так как уже с первых страниц художественного произведения оно «направляет нас», является отсылочным. Предтекст подчеркивает, что перед нами текст о внутренней жизни главного персонажа как своеобразного странствия героя в глубинах собственного сознания в поисках самого себя. На центральный план выходит ещё один герой – поэт-декадент Петр Пустота, который впоследствии «раздваивается» на ещё одного персонажа в своём сознании – Василия Чапаева.

Петр Пустота находится в психиатрической больнице, где проходит интенсивный курс лечения. Перед нами возникает сложный тип личности, который включает в себя и революционера, и поэта, и патриота. Из уст героя звучат такие призывы: «*Да здравствует первая годовщина Революции*» (лозунг) [9, 10]; «*за революцию жизнь отдаю!*» (лозунг) [9, 36].

В дальнейшем наблюдается раздвоение личности и Пети Пустоты: внутри, в своём сознании, он «примеряет» различные роли, ведёт разговор между двумя «личностями»; и как вывод, происходит недопонимание героев и быстрая смена событий.

Правда, периодически у Пети наступают моменты просветления сознания, и он признаётся, что психически нездоров: «*тучи сгустились в моей голове*» (фразеологическое единство) [9, 137]; «*зачем я морочу себе голову?*» (фразеологическое сочетание) [9, 167]; «*крыша поехала...*» (фразеологическое единство) [9, 303]; «*я сошёл с ума*» (фразеологическое сочетание) [9, 354].

Наличие второго, хоть и подсознательного героя не является случайностью. Именно Василий Чапаев становится впоследствии учителем и проводником Пети: он объясняет ему и растолковывает смысл бытия; пытается убедить, что оба мира нереальны (действительность и подсознание); и именно он приводит Петю к просветлению в конце романа.

Владимир Сорокин – ещё один талантливый современный прозаик, в произведениях которого можно найти не менее яркие типы личностей и который так же, как и В. Пелевин, отходит от простой и понятной всем иерархизации типов личностей. Персонажи его художественных произведе-

ний синтезують в себе несколько типов, таким образом обогащая и углубляя смысловую сторону образа.

В «Трилогии» В. Сорокина (романы «Путь Бро», «Лёд» и «23 000») раскрывается фундаментальный миф о создании вселенной и всего человечества. Наш бранный, и оттого бессмысленный мир – недоразумение, итог нелепой ошибки. Следовательно, и всё человечество – также ошибка. Антиутопия в трилогии, которая сама по себе заслуживает отдельного исследования, становится воплощением не утопического государства, а утопической идеи.

Главный герой романа «Путь Бро» – Саша, обыкновенный юноша из простой семьи, который не отличался какими-либо талантами и умениями. Он воспитан, образован и имеет чёткие ориентиры относительно того, как должна сложиться его жизнь: «пока молод – заполняю голову» (паремия, слоган) [11, 39]; «ради великой цели можно стерпеть всё» (паремия, слоган) [11, 59].

Автор демонстрирует преобразование героя, который начинает осознавать, что создан для великой цели. И действительно, ради спасения Земли он проходит многие испытания и, несмотря ни на что, достигает поставленной цели. Таким образом, данные слоганы выступают в качестве жизненного кредо, которое невозможно нарушить. Обычный мальчик на наших глазах вырастает в целеустремленного монстра. Линейно, от минуты рождения и до часа смерти, прослеживается жизненный путь первого Пробужденного. Вначале герой вызывает у читателя симпатию, затем страх, а в конце – жалость.

Путь к Великой Цели беспощаден ко всем живущим, даже если эта цель – Вселенская Гармония и Свет. Именно поэтому Братству Света не свойственны такие понятия как человечность, жалость, сочувствие. Это подтверждают девизы, которые предлагает Братство: «*есть человек – есть*

проблема, нет человека – нет проблем!» [11, 258]; «*на всё воля Света!*» [11, 267].

Связанное ледяными «пробуждениями» братство не становится, как это задумывалось, новым генератором счастья. Есть только Изначальный Свет, Братство и цель, ради осуществления которой все средства хороши. Остальное – ничто.

Таким образом, языковая личность – социальное явление, но в ней, несомненно, есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей [6, 82].

Нам удалось проиллюстрировать, что речевая характеристика напрямую влияет на становление личности, так как человек «включается» в определённые социальные условия, которые предполагают дальнейшее формирование жизненных позиций. Фразеологические единицы и паремия часто используются современными прозаиками в художественных произведениях, при этом само значение речевых характеристик значительно расширяется и углубляется. Авторы сознательно вводят данные языковые элементы, чтобы выразить идеологические позиции героев, которые являются ключевыми в определении типа личности. На сегодня такой анализ языковой личности является не до конца изученным, но перспективным, так как включает в себя художественный, лингвистический и лингвокультурологический аспекты.

Литература

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы / Виктор Владимирович Виноградов. – М.: Наука, 1930. – 270 с.
2. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Алексей Александрович Шахматов, 1864-1920: Сб. статей и материалов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 64-70.
3. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / Виктор Владимирович Виноградов // Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 77-85.
4. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки / Сергей Григорович Воркачев. – 2001 – № 1. – С. 64–72.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Юрий Николаевич Караулов. – М.: ЛКИ, 1987. – 263 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: Монография / Валентина Авраамовна Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
7. Орлова Э.А. Социология культуры / Э.А. Орлова. – К.: Константа, 2012. – 575 с.

Словари

8. Уфимцева А.А. Знаковые теории языка / А.А. Уфимцева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1990. – 215 с.

Источники (тексты)

9. Пелевин В.О. Чапаев и пустота / Виктор Олегович Пелевин. – М.: Вагриус, 2004. – 415 с.
10. Пелевин В.О. Амфир В: Роман / Виктор Олегович Пелевин. – М.: Эксмо, 2006. – 416 с.
11. Сорокин В.Г. Путь Бро; Лёд; 23000: Трилогия / Владимир Георгиевич Сорокин. – М.: Захаров, 2006. – 688 с.

Елена БАБЯК

**ФРАЗЕОЛОГИЗМ И ПАРЕМИЯ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИ-РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)**

Аннотация. В статье рассматриваются термины «фразеологизм», «паремия» и «языковая личность»; проанализирована проблема «языковой личности»; выяснена ее структура и основные единицы презентации. Проведен анализ влияния фразеологических единиц и паремий на языковую личность в современных русских прозаических произведениях.

Ключевые слова: паремия, фразеологизм, языковая личность.

Olena BABYAK

**IDIOMS AND PAROEMIA AS THE TYPOLOGICAL SPEECHLESS CHARACTERISTIC
OF THE MODERN LANGUAGE IDENTITY (BASED ON MODERN ART PROSE)**

Resume. The article deals with the terms "idiom", "paroemia" and "language personality"; analyzing the problem of the "language personality"; try to find its structure and presentations of the main units. Review the influence of idioms and paroemias on the language personality in modern Russian prose works.

Key words: paroemia, idiom, language personality.

Стаття надійшла до редакції 6.11. 2015 р.

Бабяк Олена Ігорівна – асистент кафедри російської мови філологічного факультету ДВНЗ «Ужгородський національний університет».